

«Кофта, фуфайка, галоши...»: мир детской одежды на страницах татарского национального букваря «Алифба» (конец 1980-х годов)

Поздние – «перестроечные» – 1980-е годы вошли в историю советского вещно-предметного мира как период радикальной смены потребительских ожиданий советских граждан. Сложившиеся к середине 1960-х годов массовые стереотипы потребления, которые в той или иной мере удовлетворялись советской экономикой, рушились и размывались. Неуспешность позднесоветских экономических экспериментов и рост потребительского дефицита, с одной стороны, все более свободное и агрессивное воздействие западной рекламы и все более активное проникновение в сферу потребления советских граждан (в особенности принадлежавших к элитарной части общества) столь высоко ценимых и желанных импортных вещей, с другой, подтачивали традиционную советскую культуру потребления и знаменовали собой ее постепенную, но неуклонную «прозападную» трансформацию.

В сфере потребления детская одежда прошла в основном те же стадии, что характеризовали режимы и уровни отношения людей к вещам в СССР, а затем в постсоветской России¹. В 1980-е годы престиж «западных» товаров детского ассортимента был достаточно велик. Между тем существующие источники демонстрируют явное противоречие между реальным уровнем массовых потребностей того времени и все еще тяготеющим над обществом советским потребительским стандартом, навязываемым и пропагандируемым путем различных вербальных и особенно визуальных средств. Весьма показательным в этой связи оказывается школьный букварь с его четкой ориентацией на маленького адресата, – учебник, предназначенный не только для чтения, но в значительной степени для рассматривания. Визуальные тексты букваря, включающие многочисленные детские образы, позволяют выяснить, какая одежда считалась допустимой и желательной для советского ребенка, какое место она была призва-

---

¹ См.: Голофаст В.Б. Люди и вещи // Социологический журнал. 2000. № 1/2. С. 58-66.

на занять в детской системе приоритетов и ценностей, насколько возможны были отступления от «традиционного» советского потребительского канона в сфере детской одежды и какими путями и способами осуществлялась репрезентация «правильно» одетых мальчиков и девочек на страницах букваря.

Можно предположить, что вопросы эти решались в разных учебниках для начальной школы по-разному, в особенности в тех случаях, когда речь шла о так называемых национальных букварях – учебных изданиях на национальных языках, направленных на взаимопроникновение национальных культур и расширение межнациональных коммуникативных практик. Эти издания должны были бы, как казалось, наделять визуальные образы детей специфическими «национальными» чертами и придавать им особый «национальный» колорит, что легко было осуществить, в частности, и за счет изображаемой одежды. В действительности же оказывалось, что практика визуальной репрезентации, а главное – содержание образа советского ребенка в общероссийских и национальных букварях в этот период мало чем отличались друг от друга, а «национальное» было практически вытеснено и даже подавлено «советским». Примером такого рода «вытеснения» и «подавления» может служить богато иллюстрированный позднесоветский татарский букварь «Алифба»².

Даже бегло перелистав «Алифбу», можно сказать, что вопросы детской телесности, детской моды авторами и иллюстраторами учебника специально не

---

² Речь идет о так называемой «синей» «Алифбе» для первого класса трехлетней татарской начальной школы (в официальных документах Министерства образования Республики Татарстан это издание обычно именовалось «синим» по цвету обложки), подготовленной преподавателями Арского педагогического училища Р.Г. Валитовой и С.Г. Вагизова еще в 1964 году и выдержавшей более 30 прижизненных изданий. В 1965 году этот букварь по оформлению занял первое место в России (художник И.Я. Язынин). Подробно об этом учебнике см., в частности: Сальникова А.А. «Свой» и «другие»... Ребенок и его окружение в татарском национальном букваре «Алифба»: конец 1980-х – 2000-е годы // «И спросила кроха...» Образ ребенка и семьи в педагогике постсоветской России: учебники по словесности для начальной школы 1985-2006 гг.: Коллективная монография, под ред. Н.Б. Баранниковой и В.Г. Безрогова. М., Тверь, 2010. С. 266-316. Именно «синяя» «Алифба» стала «главным» букварем для большинства татарстанских детей на протяжении нескольких десятилетий. В данной статье объектом анализа стали издания «Алифбы» 1988 и 1989 гг. См.: Валитова Р.Г., Вагизов С.Г. Әлифба. 24-25 басма. Казан, 1988-1989.

рассматривались и не акцентировались³. Изображенные в «Алифбе» дети были одеты не по моде, а в соответствии с теми канонизированными представлениями о «правильной» детской одежде, которые, начав формироваться еще в 1930-е годы, сложились на протяжении нескольких последующих десятилетий существования советского строя. Эти мальчики и девочки изображались только в одежде советского образца: опрятной, добротной, изготовленной из натуральных тканей без применения синтетики, функциональной, вероятно, недорогой (каковой и была советская детская одежда тех лет) и при этом абсолютно «детской», т.е. полностью соответствующей их возрасту. Мальчики летом облачались не в шорты, а в трусы, не в яркие футболки с принтами или логотипами, которые уже достаточно широко проникали в советские повседневные потребительские практики второй половины 1980-х годов, а в майки-«тельники», причем разгуливали в таком виде не только на пляже, на речке или в поле (с. 3, 14, 33), но и в городском парке или зоопарке (с. 52, 72), что являлось едва ли уместным и оправданным. Девочки были одеты наряднее – обычно в платья, однотонные или пестрые, иногда даже очень привлекательных расцветок (с. 12, 13, 29, 30, 40, 47 и др.), редко – в кофты с юбками или сарафанами, и практически никогда – в брюки и уж тем более в джинсы. Даже соответствующие погодные условия или явно требующие «мужской» одежды виды трудовой деятельности (посадка деревьев или овощей, уборка урожая – с. 6, 8, 35, 45) лишь в редких случаях побуждали «букварных» девочек сменить юбку на более подходящие случаю брюки, точнее даже не брюки, а нечто вроде шаровар. Таким образом, традиционно советские гендерные стереотипы в одежде были обозначены в «Алифбе» достаточно четко. Впрочем, джинсов были лишены и «букварные» мальчики. Они оказались обделены и нарядной одеждой: возможной альтернативой «тельнику» с трусами в учебнике выступали обычно полуспортивные штаны с рубашкой или свитером (причем если изделия для девочек

---

³ Большую методологическую помощь при написании данной статьи оказала мне публикация А. Тихомировой «Микки-Маусы на майках: детская одежда в СССР в 1980-е годы», в которой были проанализированы детские потребительские предпочтения в сфере одежды в обозначенный период. (См.: Теория моды: Одежда. Тело. Культура. Лето (№8), 2008. С. 187-208).

могли быть изготовлены из пестрой материи – в горошек, цветочек, полоску, то в мальчиковой одежде допускались только однотонные материалы, что, безусловно, не способствовало ее разнообразию и привлекательности) или школьная форма. Следовательно, именно эта форма – за неимением другой нарядной одежды – предназначалась для похода в театр, в музей, на концерт, что неявно предполагало участие детей лишь в организованных школой формах коллективного досуга.

Не менее стереотипной и морально устаревшей была верхняя одежда подрастающего поколения: безликие и бесформенные демисезонные и зимние пальто с меховыми воротниками (хотя в то время дети в большинстве своем уже носили куртки), кепки и меховые шапки-ушанки у мальчиков, платки и капоры с помпонами у девочек. Обращает на себя внимание еще одна вполне «советская» традиция – пристрастие к головным уборам, стремление «нарядить» в них детей даже тогда, когда без головного убора вполне можно было обойтись. Например, на с. 6 два мальчика и девочка сажают дерево. Дело происходит, судя по одежде детей, ранней осенью или поздней весной – дети изображены без верхней одежды и в легкой обуви. Однако на головах у обоих мальчиков – кепки. Зачем они им? На с. 35 дети копают грядки. Поздняя весна – деревья в бело-снежном цвету. Тепло. Дети раздеты. У одного из мальчиков даже засучены рукава рубашки. И опять на головах у них – береты, у девочки – платок.

Явно отставала от времени и изображенная в «Алифбе» детская обувь. Никаких кроссовок – вместо них сандалии и ботинки, нередко странного ярко-голубого или ярко-красного цвета. Чрезвычайно распространены кеды, используемые практически в любой ситуации как одна из основных разновидностей повседневной (а не только и даже не столько спортивной) обуви для мальчиков. Многие дети на фоне сельских пейзажей вообще представлены босиком: мальчики, скачущие по лугу на игрушечных лошадках (с. 14), Алсу, набирающая воду, с ведрами у колонки (с. 16), девочка, кормящая цыплят (с. 53), дети, бегущие взявшись за руки под летним проливным дождем вдоль сельской улицы

(с.74) и др., что, вероятно, должно было демонстрировать органически присущую ребенку близость к природе.

В соответствии с устоявшимися гендерными стереотипами все без исключения девочки в «Алифбе» носили косы – одну или две, и завязывали банты. Мальчики же были пострижены коротко и на один манер, как солдаты, и отличались друг от друга разве что цветом волос.

В визуальный ряд учебника совсем не проникали новые для той поры веяния: яркая, подчас вызывающе безвкусная детская одежда, производимая отечественными «кооператорами», и стильные, качественные детские изделия, ввозимые из «дальнего» зарубежья и (гораздо чаще) из «ближних» советских республик – Прибалтики, Белоруссии. И если об отсутствии первой не приходилось жалеть, поскольку она никак не способствовала выработке у детей хорошего вкуса и умения одеваться, то вторые вполне могли бы содействовать формированию начальных эстетических навыков и имиджевой культуры.

А что ожидало детей в будущем? Может быть, им следовало только немного потерпеть, подрасти, и тогда их гардероб сказочным образом бы изменился? Увы, – одежда изображенных в «Алифбе» взрослых выглядела, пожалуй, еще менее привлекательной, чем одежда детей. «Чужие», посторонние взрослые были представлены в букваре в основном в процессе их трудовой, профессиональной деятельности, разные виды которой и символизировал, причем весьма стереотипно, их костюм. Если врач, воспитательница детского сада или работница птицефермы изображались в белых халатах и шапочках, а колхозница на току или на скотном дворе в черном фартуке, грубых рукавицах и высоких резиновых сапогах (с. 19, 23, 39, 57), то это вполне можно было понять и объяснить. Но почему такими старомодными были эти самые белые халаты, как будто перенесенные в учебник из 1950-х годов? Почему учительницы одевались только в «английские» костюмы и белые блузки, и почему все они – и молодые, и пожилые – обязательно носили очки (с. 19, 22)? Почему так убого одета женщина, пришедшая на концерт (с. 82)?

Родители детей были представлены в учебнике только в домашней обстановке: женщины в халатах, простых ситцевых платьях или юбках с кофтами и непременно – в фартуках; мужчины (их мало) – зачастую полуодеты, в тех же «тельниках», что и их сыновья. В рабочей обстановке практически все они были облачены в «производственную» одежду, а образцом хорошего вкуса и мужской элегантности мог служить в букваре разве что помещенный на с. 93 В.И. Ленин в своей неизменной «визитке» и красивом синем галстуке.

В «Алифбе» нет было ни одной женщины, одетой в брюки. Зато на картинке, изображающей семью у телевизора, на левой руке у обоих родителей – часы (с. 78). Почему они не сняты даже в момент отдыха? Что это – показатель напряженного ритма жизни, не позволяющего расслабиться ни на мгновение, или определенного уровня материальной обеспеченности, выглядящий смешно и наивно в конце 1980-х годов?

В целом, представленная в «Алифбе» детская (как, впрочем, и взрослая) одежда выглядела достаточно старомодно и больше соответствовала потребительским стандартам и реалиям 1960-х, нежели чем 1980-х годов. Но в силу необычайного богатства колористической гаммы всего учебника и примененного художником контрастного сочетания цветов при изображении каждого отдельно взятого детского персонажа (желтая или розовая майка – голубые или красные трусы, пронзительно зеленая рубашка – фиолетовые штаны и т.д.) эта одежда не выглядела унылой. Кроме того, облаченные в нее дети вели себя активно, много двигались, при этом движения их были свободны, легки и непринужденны. Создавалось впечатление, что детей ничто не ограничивало, им ничего не мешало, что надетые на них вещи были удобны и комфортны, хотя и не слишком красивы и современны. Таким путем создатели букваря вновь и вновь стремились убедить читателя в неоспоримом преимуществе советской детской одежды, которой они даже и не пытались противопоставить пресловутый «импорт». Первоклассник с удивлением осознавал, что хорошо знакомая ему тяжелая и неудобная шапка из мутона с пришитой к ней ужасной белой резинкой, которая натягивалась на голову поверх меха, «чтобы в уши не дуло», или чер-

ные резиновые сапоги, в которых постоянно мерзли и одновременно потели ноги, на самом деле очень хороши – ведь они так нравятся букварным ребятишкам!

Впрочем, далеко не все иллюстрации «Алифбы» давали возможность определить, нравилась детям надетая на них одежда или нет. В особенности это касалось изображенных в букваре мальчиков, которые, казалось, вообще не обращали на свою одежду никакого внимания, полностью отдавшись другим, более важным занятиям, будь то катание на санках, строительство игрушечного городка, сбор грибов или работа в школьной мастерской. Что касается девочек, то в ряде случаев уже сами позы их заключали в себе элементы самолюбования, некой нарочитой «пасторальности» (изящно отставленная ножка, грациозно протянутая вперед рука, неестественная прямота при выполнении работ, связанных с физической нагрузкой – при поливке цветов из лейки, кормлении кур, стирке «игрушечного» белья, игре в мяч и пр.). Казалось, что девочки вовсе не были сосредоточены на основном занятии, а, как заправские кокетки, думали в первую очередь о том, как эффектно себя преподнести и как не испачкать красивое, надетое на них, платье. Совершенно очевидно, что по первоначальному замыслу создателей букваря, тем более букваря татарского, изображение девочек на его страницах должно было быть абсолютно асексуально. Белые воротнички, фартуки, цветастые материи, скромные «девичьи» фасоны, носочки и плотные чулки, туфли на плоской подошве, банты – и никакой косметики, никаких «взрослых» причесок, даже обычной стрижки, никаких украшений, вообще никакого выхода за возрастные границы! Но, вероятно вопреки осознанным установкам, руководящим взрослыми, иногда проскальзывало в этих детских образах что-то неуловимо эротичное, глубоко спрятанное в выставляемой напоказ «детской невинности», но очевидно проглядывающее сквозь нее. Вот юная красавица с золотыми косами срывает в поле цветок мака и передает его младшей девочке. Изящный поворот головы, легкая полуулыбка, взгляд сверху вниз, поза слегка театральна: руки разведены, в правой – цветок, левая отставлена в грациозном жесте. Полускрытая цветущими маками девочка сама кажется

ся прекрасным цветком среди окружающих ее пышных и ярких растений (с. 40). А вот маленькая хозяйка развешивает выстиранное матерью белье. Чтобы дотянуться до веревки, девочке пришлось встать на стул. Она стоит к зрителю в пол-оборота: обнаженная до плеча рука поднята, плечо открыто, стройные ноги также почти обнажены и лишь чуть прикрыты коротким платьем, под которым вырисовывается миниатюрная, изящная фигурка, резко контрастирующая с полусогнувшейся над бельем еще молодой, статной, но уже потерявшей прежние девические формы матерью (с. 47). Едва ли создававший эти образы художник делал это сознательно, но некая двусмысленность в отношении детского тела и детской одежды просматривалась и здесь и там.

Все изображенные в «Алифбе» дети были одеты примерно одинаково, что вполне соответствовало общему состоянию отечественной легкой промышленности того периода. Но ничто, пожалуй, так не способствовало стандартизации и унификации детского облика, как школьная форма.

Детей в форме на страницах «Алифбы» достаточно много, но несопоставимо меньше, чем детей, одетых «неформально», хотя этот термин едва ли корректен по отношению к изображенной в учебнике детской одежде: здесь она формализована даже в самых «неформальных» ситуациях. Дети одеты в «классическую» школьную форму советского образца – повседневную и парадную: коричневые платья и черные или белые фартуки на девочках, серые костюмчики с белыми рубашками на мальчиках. На ряде иллюстраций, однако, мальчики вместо строго предписываемых белых или голубых рубашек изображены в рубашках розовых, сиреневых и зеленых (с. 28, 44, 55), или в цветных джемперах, одетых под пиджак. Это странно, поскольку школьная администрация, как известно, строго карала за появление на уроках в рубашке «не того» цвета, а джемпера по приходе в школу требовалось немедленно снять.

Значение школьной формы в советских воспитательных практиках трудно переоценить, поскольку, по мнению советских педагогов, именно школьной форме принадлежала чрезвычайно важная организующая, дисциплинирующая и контролирующая функция. Надев форму, ребенок из обычного мальчика или

девочки превращался в ученика/ученицу, становился частью организованного детского коллектива, нормам и правилам которого (установленным, кстати говоря, во многом «сверху» – взрослыми, учителями, воспитателями) он вынужден был отныне следовать и подчиняться, а прописанным и приписанным образцам – подражать. «Школа оставалась вневременным пространством, – замечает А. Тихомирова, – законсервировавшим репрессивное и диктующее начало советской идеологии потребления одежды... В этом смысле советскую школу можно сравнить с армией, с социокультурным пространством, которое живет не по общегражданским, а по совершенно особым законам»⁴. Превращение обычного ребенка в ученика символизирует уже сама обложка «Алифбы», изображающая миловидную девочку в парадной форме (белый фартук, белые банты в косичках, белые сандалии) с букетом цветов, идущую, вероятно, в свой первый школьный день в школу. На титульном листе букваря изображены уже двое детей – мальчик и девочка, бодро шагающие в школу в полном парадном облачении. Только бант у девочки почему-то красный, а колготки серо-синие, что не вполне укладывается в «канонический» праздничный облик советского школьника, когда преобладающим должен был быть все же белый цвет. На с. 4 учебника уже поэтапно показан процесс превращения «обычного» мальчика в ученика: вот он застилает кровать, делает зарядку, умывается (все это в трусах и в майке), а вот он уже надевает школьную форму, завтракает (почему-то в форме, хотя удобнее было бы это сделать в домашней одежде) и идет в школу. Вот дети в повседневной школьной форме – на уроке, в библиотеке, в учебной мастерской, за уборкой класса. А вот они уже в форме парадной – на дежурстве в столовой, по пути в школу и из школы, на торжественной линейке по приему в октябрята. Мальчики-октябрята выглядят чуть современнее, девочки-октябрята – более старомодно, что особенно подчеркивает контраст между их коричневыми школьными платьями и фартуками и так называемой «пионерской» формой (голубые юбки плиссе, белые блузки), которая надета на девочках-пионерках (с. 79).

---

⁴ Тихомирова А. Микки – Маусы на майках. – С. 200.

Необходимым атрибутом школьной формы являлась октябрятская звездочка или гораздо чаще изображаемый в «Алифбе» красный галстук – он был ярче, привлекательнее, эффектнее.

Впрочем, попытки закрепить в детской памяти и утвердить в детском сознании якобы общепринятый и привлекательный образ «старой», образца 1950-х годов, школьной формы, предпринятые авторами «Алифбы», были мало состоятельны и результативны. Уже в то время в ряде школ коричневая форма была заменена удобными и элегантными синими костюмами (часто – «тройками»), дававшими возможность комбинировать элементы одежды и несколько ослаблявшими школьный диктат, направленный на унификацию внешнего вида учащихся. Для мальчиков в качестве формы допускалась даже обычная костюмная пара (или та же «тройка») спокойных, умеренных цветов. Такая «форма» была предметом зависти детей, особенно девочек, вынужденных по-прежнему облачаться в надоевшее неизменное коричневое платье.

При просмотре «Алифбы» настойчиво бросается в глаза еще один момент. Вся одежда детей очень опрятна. Вне зависимости от ситуации – будь то торжественная линейка или работа в поле, занятия в библиотеке или драка, мальчики и девочки одеты чисто и аккуратно, на их одежде нет ни единого пятнышка, она не испачкана, не скомкана, не смята, и уж тем более не порвана. Дети неустанно следят и ухаживают за своими вещами: бережно и аккуратно развешивают их на стуле, чтобы не помялись, стирают (в основном, кукольные вещи, но это тоже формирует необходимые навыки), развешивают сушиться (с. 4, 12, 47). Такой подход достаточно достоверно отобразил реалии времени: в семьях относились к одежде бережно, в традициях, сложившихся за многие годы существования советского потребительского дефицита, – ее чинили, латали, штопали, перешивали, перелицовывали. Несмотря на то, что детской одежды в СССР производилось в то время вроде бы и много, «хорошую» детскую вещь – отечественную ли, импортную ли – в конце 1980-х трудно было достать. И потому принято было мастерить одежду – как для себя, так и для детей – своими руками: как писали Г.А. Янковская и М.В. Ромашова, «советское общество

представляло собой общество рукоделия, ремонта, повседневной бытовой смекалки»⁵. Умение шить, вязать, вышивать расценивалось как «нормальное» качество каждой советской женщины, недаром при каждом клубе и дворце культуры были так распространены кружки кройки и шитья, вязания, макраме и пр. Девочек приобщали к такой работе с детства, о чем свидетельствует и визуальный ряд «Алифбы». На с. 22 изображен урок труда в начальной школе. Три девочки под руководством учительницы кроют что-то из белой материи, две других вышивают на пальцах. Вышивающая на пальцах маленькая Зайнап изображена также на с. 88. На с. 51 девочка-подросток, сосредоточенно склонившись над швейной машинкой, дошивает платье для младшей сестры. Та внимательно и с напряженным интересом следит за работой, осторожно держа перед собой почти готовое платье.

Но все-таки основная масса одежды для детей изготавливалась фабричным способом. Не случайно иллюстрацией к тексту «Фабрика» (с. 73) служит изображение именно трикотажного производства. Ярко-красный плакат на стене цеха с коротким текстом (содержание не читаемо) и плохо видимым рисунком (нечто устремленное ввысь, пирамидальное) символизирует будущие трудовые достижения в области легкой промышленности. Рядом – вещи, производимые на фабрике: свитер (именуемый в тексте «кофтой»), вязаный жакет (именуемый «фуфайкой») и шарф. Именно они причислены в «Алифбе» в категории «одежды», тогда как к обуви отнесены галоши, туфли и ботинки. Кажется сомнительным, что именно фуфайка и галоши были главными компонентами одежды советских граждан в конце 1980-х годов, но судя по букварю, это было именно так.

Специфику визуального ряда «Алифбы» как букваря национального должно было бы составить изображение атрибутов татарского «национального»

---

⁵ Янковская Г.А., Ромашова М.В. Выездная сессия Международного научного семинара «Культура детства: нормы, ценности, практики» (Пермский государственный университет, Пермь, 15-18 ноября 2008 г. // Вестник Пермского университета. История. 2009. Вып. 1 (8). С. 119. На это факт указывает и К. Келли. См.: Келли К. Роскошь или первая необходимость? Продажа и покупка товаров для детей в России в постсталинскую эпоху // Теория моды. Одежда. Тело. Культура. 2008. Лето (№ 8). С. 150.

вещно-предметного мира, в том числе и татарской национальной одежды. Но ее, как ни странно, в букваре очень мало. Лишь изредка на головах мальчиков появляются тюбетейки, а на головах женщин и девочек – платки, преимущественно белые. Только на сцене клуба мы видим танцующих детей, облаченных в яркие, красочные национальные костюмы (с. 82), да бабушка-татарка изображена в повязанном в традиционной манере платке и полихромных национальных кожаных тапочках (с. 94).

Зададимся вопросом: почему изображенный в «Алифбе» мир одежды как некое своеобразное социокультурное пространство был столь архаичен и ограничен? Почему авторы учебника так настойчиво пропагандировали прежние, устаревшие и устаревающие советские потребительские стандарты и идеалы? Почему они не стремились изобразить на страницах учебника современно и даже модно одетых взрослых и детей – что, в принципе, отнюдь не возбранялось (вспомним, скажем, советские детские мультфильмы того времени) и что только сделало бы учебник гораздо более привлекательным, особенно для девочек? Почему, наконец, авторы уходили от изображения национальной одежды, которая могла бы придать букварю особенный, только ему присущий колорит?

Причин здесь несколько. И едва ли правильно будет искать их лишь во времени появления первого издания учебника, относящегося к середине 1960-х годов. Если за более чем два десятилетия визуальный ряд букваря практически не был изменен и успешно сохранился в позднесоветский период, значит, он вполне устраивал и авторов, и чиновников от образования, и педагогов, и родителей. Впрочем, мнение последних мало кого интересовало.

Даже в конце 1980-х годов, в период радикальной переоценки всего и вся, татарский национальный букварь «Алифба» продолжал фиксировать и пропагандировать прежний советский опыт, прежние советские идеалы и ценности, прежнюю советскую культуру потребления. Он консервировал на своих страницах образ некоего идеального, подлинно «советского», надежно защищенного от пагубного «западного» влияния детского мира – мира, который на самом

деле уже неотвратимо рушился и которого по сути уже не существовало. Но задачей букваря и не было отображение этой меняющейся действительности: он продолжал выполнять свою основную культурно конструирующую функцию, направленную, как и прежде, на формирование подлинно «советского ребенка». Отсюда – и ограничения, и запреты на репрезентацию в букваре всего «постороннего», «чуждого», в том числе и «чужой», «чуждой» одежды как системы символов и знаков «чужой», «чуждой» – не советской – жизни. Отсюда – и слабо востребованные в «Алифбе» 1980-х этнонациональные характеристики и маркеры, в том числе и национальная одежда. Ведь в соответствии со все еще сохранявшимися установками национальное своеобразие являло собой лишь форму, главным же было единство «советского» содержания.

Впрочем, именно в национальном букваре контраст между «предписываемым» и «реальным» проявлялся в наименьшей степени: букварь «Алифба» в рассматриваемый период был ориентирован почти исключительно на сельскую школу, а размывание «советскости» на селе происходило гораздо медленнее, чем в городе. И хотя жители крупных российских городов в 1980-е годы нередко ехали в глубинку, в сельмаг, где не трудно было найти импортный «дефицит», сами сельские жители были к нему достаточно равнодушны: у них сложилась несколько иная система ценностей и несколько иное мерило достоинств одежды. Да и материальные возможности не всегда позволяли им купить эти красивые, модные и качественные, но дорогие и подчас далеко не функциональные в сельских условиях вещи. Дети, более склонные к разрушению потребительских стереотипов и отказу от потребления в рамках необходимости, тем не менее осваивали новые тенденции в этой сфере через привычные для них, унаследованные потребительские практики. Такого рода различия в городской и сельской культуре потребления одежды отражены в «Алифбе» достаточно четко, что делает этот букварь значимым и необходимым источником для изучения современной культуры детства с учетом ее социальной, локальной и этнонациональной дифференциации.